

Татьяна Литвин

**К ИНТЕРПРЕТАЦИИ О. ФИНКОМ ФЕНОМЕНОЛОГИИ
ВРЕМЕНИ Э. ГУССЕРЛЯ**

Стаття, створена на підставі неопублікованих манускриптів О. Фінка, присвячена його інтерпретації аналізу часу Е. Гуссерлем. Розглянуті ідеї щодо інтенційності у феноменології часу, конституювання темпоральної форми, взаємозв'язку часу і уяви.

Ключові слова: феноменологія, філософія часу, інтенційність.

Статья, основанная на неопубликованных манускриптах О. Финка, посвящена его интерпретации анализа времени Э. Гуссерлем. Рассмотрены идеи, касающиеся интенциональности в феноменологии времени, конституирования темпоральной формы, взаимосвязи времени и воображения.

Ключевые слова: феноменология, философия времени, интенциональность.

The paper is based on the unpublished manuscripts of E. Fink and aimed to describe the phenomenology of E. Fink and his interpretation of the time-analysis of E. Husserl. I consider the ideas concerning to intentionality in phenomenology of time, the constitution of temporal form, interrelations of time and imagination.

Keywords: phenomenology, philosophy of time, intentionality.

Философия Ойгена Финка представляет собой пример исторического влияния феноменологии на философское мышление двадцатого века. Темой данной статьи является та часть феноменологических идей Финка, которая касалась феноменологии времени, и прежде всего, концепции Гуссерля. Ойген Финк (Eugen Fink) был одним из ассистентов, учеников и постоянных собеседников Э. Гуссерля. Постоянно Финк стал работать с основателем феноменологии после защиты своей диссертации в 1929 году, и до самой смерти Гуссерля, в том числе и после известных событий 1933 года, участвовал в организации и проведении его частных семинаров. Постоянное сотрудничество и интенсивное научное общение феноменологического кружка, редакторская работа над рукописями своего учителя не могли не повлиять на феноменологические взгляды философа. Феноменология Финка представляет собой довольно самобытный и оригинальный вариант развития и воплощения идей основателя феноменологического движения. К сожалению, в русскоязычном философском пространстве вклад Финка в разработку концепции времени является редкой темой для дискуссий. Намного более известна его социальная философия, то есть те идеи, которые он разрабатывал в более поздние периоды своей деятельности. Популяризацией же тех идей, о

которых ниже пойдет речь, международное научное сообщество обязано Рональду Бружине (Ronald Bruzina), сумевшему доказать своеобразие и законченность феноменологии времени Ойгена Финка. Целью данной статьи является представление основных пунктов в интерпретации Финка и той роли, которую она может сыграть для понимания феноменологической концепции времени и философии времени в целом.

Интерпретация Финка направлена на феноменологический анализ времени Гуссерля как на детально разработанную схему сознания времени. Те дополнения и прояснения, которые делает Финк, касаются именно нюансов, структурных особенностей сознания времени, так сказать, технологических подробностей самого процесса конституирования временной формы. Финк берет за основу готовую концепцию Гуссерля и комментирует наиболее глубокие понятия как бы изнутри, возможно, более интуитивно, чем сам автор. Вероятно, такой способ, связанный с собственными представлениями Финка о феноменологическом методе, вряд ли что-либо существенно добавляет к концепции Гуссерля. Однако демонстрирует ее спорные и наиболее глубокие принципы, а также своеобразие взгляда самого интерпретатора, долгие годы проработавшего рядом с основателем феноменологии.

Комментарии Финка посвящены так называемым *Veinauer Manuskripte*, то есть рукописям Гуссерля по сознанию времени, созданным в 1917–1918 годах и названным так по местечку Бернау, где, как считается, они были написаны. Именно Финку была поручена обработка и подготовка к печати этих материалов, которые увидели свет значительно позже [5].

Во взгляде Финка на концепцию Гуссерля нетрудно заметить влияние Хайдеггера, в особенности, в отношении Финка к языку феноменологического описания. Философию Финка иногда называют своего рода «связующим звеном» между системами Гуссерля и Хайдеггера. Возможно, это справедливо и для тематики темпоральности в феноменологии Финка, несмотря на то, что сам Финк, по мнению комментаторов, находил ошибки у обоих¹ [1, р. 371].

Манускрипты Финка представляют собой набор заметок и записей длиной в один, два абзаца, которые, в отличие от рукописей своего учителя, редко составляют целостный текст. Это либо размышления на отдельные темы, например «О Боге», «О сущности...» и т. д., либо замечания и собственные возражения на вопросы тогдашних дискуссий, например «К тезису Хайдеггера...», «К вопросу о...» и т. д. Именно из этих заметок и формируется интерпретация Финком анализа времени Гуссерля.

Комментаторские заметки Финка посвящены, в основном, проблеме конституирования «живого настоящего» как ключевой проблеме гуссерлевской феноменологии времени, от которой он переходит к проблемам воспоминания, жизненного мира и метода философии в целом.

Итак, одной из особенностей в схеме акта сознания времени Финка является его внимание к разделению на наполненность и пустоту. Наполненность (Füllung)² и пустота (Leere) являются естественными составляющими процесса конституирования времени. Доминирующей является наполненность, процесс конституирования осуществляется именно как процесс наполнения, но и пустота играет роль структурного компонента. Пустое время (Leere-Zeit) не обладает самостоятельностью, но является условием возможности опыта, наполнение происходит в опыте³. Разделение на пустоту и наполненность подчеркивает динамику конституирования времени и призвано отграничить различные «этапы» в процессе конституирования. Обыденная интуиция нам подсказывает, что наполненность возможна там, где существует пустота. Поскольку время всегда понималось через метафору потока, то нет ничего удивительного во внимании Финка к этой структурной особенности конституирования времени. Финк не только указывает на пустое время как на сущностный компонент, но модифицирует в связи с ним понятие интенциональности в акте сознания времени.

Пустое время у Финка представляет собой так называемое единство колебаний времени, *Schwingungseinheit der Zeit*. То, что единство колебаний является пустой характеристикой, должно, по-видимому, указать на физическую основу времени как недостаточную для феноменологической представленности. Но Финк не только выражает пустое время через термин единства колебаний, но и раскладывает пустоту на составные части. *Schwingungseinheit* – это единство *Entgegenwärtigung* и *Feldintentionalität*⁴.

Entgegenwärtigung, или де-презентация⁵,– термин, введенный самим Финком для того, чтобы подчеркнуть отличие его анализа времени от анализа Гуссерля. *Entgegenwärtigung* – это акт сознания, демонстрирующий не-предметность, не-наполненность конституирующего процесса. Под де-презентацией Финк объединяет конституирование прошлого и будущего, которое осуществляется иначе, чем (наполненное) конституирование настоящего⁶. *Entgegenwärtigung* означает процесс, противоположный *Vergegenwärtigung*⁷, ре-презентации, помещению в настоящее, «обнаствяванию». Противоположность не означает противоречие, но автор счел нужным указать на данное отличие, так же как и в целом на отличие между наполненностью и пустотой. Де-презентация является своего рода

негативной стороной процесса конституирования времени, в отличие от «позитивной» ре-презентации. И эта «негативная» сторона становится для Финка ключевой, поскольку не только вскрывает внутреннюю динамику конституирования времени как живого настоящего, но собственно концентрирует на себе весь процесс бытия сознания во времени. Термину *Feldintentionalität*, интенциональность поля, в рукописях Финка не уделяет особого внимания, используя его как нечто само собой разумеющееся. В схемах этот термин фигурирует как «*Feldintentionalität u. Raum*», обозначая, очевидно, пространственную (чувственную) составляющую.

Модифицируя понятие интенциональности в акте сознания времени, Финк настаивает на разделении интенциональности на «продольную интенциональность» (*Längsintentionalität*) и «поперечную интенциональность» (*Querintentionalität*)⁸. Это самобытное разделение связано с теми же целями, что и разделение на наполненность и пустоту, на ре-презентацию и де-презентацию. Как отмечает Р. Бружина, «продольную интенциональность» следует отнести к структуре де-презентации как к своего рода «горизонтной де-презентации», то есть включающей в себя горизонты прошлого и будущего. «Поперечная» же интенциональность является свойством акта сознания настоящего. Разграничивая эти два вида интенциональности, Финк опять-таки вычленяет компонент «пустотности», «отсутствия» в конституировании времени. И указывает на тот факт, что сознание настоящего (*Vergegenwärtigung*), приведение-в-настоящее осуществляется «в горизонте отсутствия» [1, р. 370–371], в динамике внутренней взаимосвязи присутствия и отсутствия. Де-презентация (*Entgegenwärtigung*) лишь условно может быть названа отсутствием, лишь в том смысле, в котором через отсутствие понимается сознание прошлого и будущего. Де-презентация Финка добавляет еще одно измерение в феноменологию времени, и требует тем самым особый вид интенциональности.

Для Финка является значимой проблемой сама взаимосвязь между *Entgegenwärtigung* и *Feldintentionalität*, благодаря которой время и раскрывается как единство колебаний времени, *Schwingungseinheit der Zeit*⁹. Иными словами, взаимосвязь между компонентами пустого времени (*leere Zeit*), конституирования пустого времени. Как уже отмечалось, столь пристальное внимание к пустотности времени связано с настаиванием Финка на рассмотрении времени как не-предметного условия любой предметности, времени как условия опыта, отличного по своей сути от «наполненного» опыта. Термин «единство колебаний», демонстрирующий естественнонаучную метафорику феноменологического языка, не является единственной возможностью прояснить природу времени. Финк

приписывает времени также надломленность (*Brüchigkeit*¹⁰), заменяя традиционную метафору потока метафорой звука. «Суть времени, – пишет Финк, – состоит в его «надломленности». Надломленность времени делает возможным сущее»¹¹.

Таким образом, основой рассуждений Финка является попытка объяснить кантовскую формулу времени («время как условие») с помощью феноменологической дескрипции. Эта цель, которую, несомненно, ставил и Гуссерль, Финк приводит к не менее спорным результатам. На мой взгляд, эта цель, по Финку, требует решения двух основных задач. Во-первых, необходимости связать теорию времени в трансцендентальной философии Канта с феноменологическим анализом Гуссерля. И во-вторых, решить проблему языка феноменологической дескрипции применительно именно к темпоральной тематике.

По поводу первой задачи мы находим следующее. В заметках, относящихся к его диссертации, Финк пишет: «[Необходима] более глубокая интерпретация кантовского предложения о том, что трансцендентальная способность воображения есть “ингредиент восприятия”: таким образом, не только трансцендентальная способность воображения как протенция и ретенция, принадлежащие презентии, но и трансцендентальная способность воображения как чистое колебание времени (пустое время) есть наполняемость восприятия: таким образом, презентия, также и в качестве первичной импрессии, как наполнение, а именно как первичное наполнение, лежит в основе колебаний времени»¹².

Почти отождествляя трансцендентальную способность воображения с колебаниями времени как «ингредиентом восприятия», Финк вряд ли вносит ясность в феноменологическую схему сознания времени. Однако возможностью столь радикального хода он обязан не только Хайдеггеру, как может показаться, но и самому Гуссерлю. В одном из приложений тома, посвященного анализу пассивного синтеза, мы находим замечание Гуссерля о том, что синтез продуктивной способности воображения Канта в феноменологии является ничем иным, как пассивным конституированием [4, S. 275–276].

Что же касается второй проблемы, то здесь Финк, как представляется, испытал то же влияние, что и Хайдеггер, однако в отличие от своего коллеги, не выстроил самостоятельного языка описания. Финк упоминает пример Гуссерля о звуке как темпоральном объекте не только как один из возможных примеров. Звук – это не просто модель изучения восприятия времени, это и модель для создания языка описания этого восприятия. Феноменологическая соотнесенность звука и времени дает повод для более глубокой интроспекции, нежели просто поиск аналогий

между восприятием звука и восприятием времени. В комментариях Финка звук – это пример «имманентной данности»¹³, описания которого строится не по принципу описания его чувственного содержания, но как описание содержания сознания. Однако используется метафорика звукового восприятия – громкость (Laut), тишина (Stille), слушание (Hören), удерживание (Aushalten). Иными словами, именно акустическое восприятие послужило основой метафорики описания феноменологии времени.

Как известно, в философии Гуссерля мы не найдем достаточно разработанной феноменологии чувственности. – На это указывал Мерло-Понти, обосновывая собственные феноменологические идеи. У Гуссерля нет разницы между акустическим, оптическим или тактильным содержанием восприятия. В феноменологии времени Гуссерля чувственность, как и сама по себе пространственность, не выделена как значительный структурный компонент. Конституирование пространства (вещи) не включено как нечто само собой разумеющееся в проблему конституирования времени.

В отличие от Гуссерля, Финк вводит инстанцию пространства в качестве четвертого временного горизонта после прошлого, настоящего и будущего. «Если воспоминание настоящего является ре-презентацией, то должна быть показана лежащая в ее основе де-презентация. И тут мы наталкиваемся на проблематику пространства. Воспоминание настоящего можно феноменологически объяснить только исходя из фундаментального анализа пространства. Тем самым “пространство” проявляет себя как четвертое измерение времени. Иными словами, анализ “временности”, насколько временность должна быть временностью потока переживаний, как трансцендентальное время, не отделим от момента “пространства”. Изначальная временность как смысл бытия трансцендентальной субъективности всегда пространственна»¹⁴.

Более того, в качестве пятого горизонта у Финка выступает «возможность» как сфера потенциального опыта мира и сознания, как возможность действительности (Wirklichkeit) времени. Финк модифицировал, таким образом, традиционную схему времени, состоящую из трех горизонтов, исходя из феноменологического видения. Пять горизонтов времени, по Финку, составляют процесс конституирования сознания времени – прошлое, настоящее и будущее как актуальное время, пространство и «возможность»¹⁵.

Концепция Финка отличается, тем самым, его вниманием к «пустотным», но отнюдь не бессодержательным сторонам процесса конституирования времени. Акцентируясь на горизонтах де-презентации,

то есть «нереальных» горизонтах прошлого и будущего, анализ времени тем не менее направлен на взаимосвязь и динамику всех конституэнтов. Не-предметные горизонты выполняют роль связующих компонентов в живом потоке времени и бытии сознания.

Единственная трудность, возникающая при рассмотрении феноменологии времени Финка – не является ли время, внутренняя взаимосвязь которого осуществлена за счет «не-реальных» горизонтов, и само не реальным? Не приводит ли феноменологическая соотнесенность основных конститутивов времени с трансцендентальной способностью воображения к тому, что время – лишь плод воображения¹⁶? Вряд ли, на мой взгляд, идеи Финка дают достаточно оснований для столь неправильных выводов, так же как и идеи Гуссерля или Хайдеггера. Однако, невозможно не оценить оригинальность и чуткость интуиций Финка, демонстрирующих истинно феноменологический подход к фундаментальным проблемам времени и сознания.

Примечания

¹В данной статье я намерено «оставляю за скобками» вопрос о влиянии, или взаимовлиянии, Хайдеггера, с целью сохранить аутентичность идей Финка. Эта тема заслуживает, несомненно, более глубокого исторического анализа.

²Здесь и далее терминология Финка цитируется по его манускриптам, прежде всего манускрипту ZVII, посвященному данной теме. Я благодарю г-на Зеппа, руководителя Архива Финка во Фрайбурге, за возможность работы с данными манускриптами в феврале 2008 года. Ich danke Herrn Sepp, den Leiter des Fink-Archives in Freiburg, für die Möglichkeit, die Manuskripte von E.Fink im Februar 2008 anzusehen.

³Z VII IX/2a: Die Füllung der Leeren-Zeit geschieht in der Erfahrung. Leere-Zeit = Bedingung der Möglichkeit der Erfahrung.

⁴Z VII IX/2a: Die Einheit von Entgegenwärtigung u. Feldintentionalität nennen wir die Schwingungseinheit der Zeit oder die leere Zeit.

⁵В переводе этого труднопереводимого на русский язык термина я предлагаю латинообразную версию, опираясь на английский вариант de-presencing, введенный Рональдом Бружиной [1, p. 368–369].

⁶Z IV 23a: Zeitanalyse: Meine unterscheidet sich von der Husserls durch den Aufweis der andersartigen Intentionalität der Konstitution des Zeitzusammenhangs. Zeit ist “Bedingung der Möglichkeit” jeder Gegenständlichkeit, ist aber selbst nicht gegenständlich. Zeit ist die Einheit von Gegenwart und Horizonten (Entgegenwärtigungen). Entgegenwärtigungen sind vorgängig vor den Protentionen und Retentionen. Vergangenheit und Zukunft sind keine “einlösbaren” Strecken. [Анализ времени: Мой

отличается от гуссерлевского указанием на другого рода интенциональность конституирования временной взаимосвязи. Время есть «условие возможности» любой предметности, но само не предметно. Время есть единство настоящего и горизонтов (де-презений). Де-презении предшествуют протенциям и ретенциям. Прошлое и будущее не являются «выполнимыми» отрезками.]

⁷Термин, используемый Гуссерлем, Финк также интерпретирует весьма своеобразно [3]. Варианты перевода этого термина на русский язык различны. А. В. Михайлов в переводе Идей 1 (Э. Гуссерль. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1999) использует различные варианты, такие как «реактуализация», «актуализация в настоящем», «вызывание в себе». В. И. Молчанов в переводе десятого тома Гуссерлианы «Феноменология внутреннего сознания времени» использует термин «воспроизведение».

⁸Возможный вариант перевода этих двух терминов также: «вдоль-интенциональность» и «поперек-интенциональность». Ср. Z IV 3a: Die Zeitanalytik Husserls leidet unter dem Mangel, dass die prinzipielle Scheidung von „Querintentionalität“ und „Längsintentionalität“, die doch bereits in „Zeitbewusstsein“ von 1905 gefunden, nicht radikal und konsequent durchgeführt wurde. [Аналитика времени Гуссерля страдает тем недостатком, что в ней не было радикально и последовательно проведено принципиальное разделение на «поперечную интенциональность» и «продольную интенциональность», открытое уже в «Сознании времени» 1905 года.]

⁹Z VII XVII/5a: Mein wichtigstes Problem in Chiavari ist die Aufhellung des Zusammenhangs von „Entgegenwärtigung“ und „Feldintentionalität“: beides ist am Ende einig und nichts anderes als die ursprüngliche Einheit der Zeitlichkeit oder besser Zeitigung. [Моя важнейшая проблема в Хиавари (название местности – *Т. Л.*) – это прояснение взаимосвязи «де-презений» и «интенциональности поля»: обе в конечном итоге едины и являются ничем иным как изначальным единством временности, или лучше, времени.]

¹⁰Это немецкое слово в обычном случае переводят также «хрупкость», «ломкость», «шаткость». Мне показалось подходящим слово «надломленность», поскольку прилагательное brüchig употребляют также, говоря о дрожащем голосе.

¹¹Z VII X/7a 2: Das Wesen der Zeit besteht in ihrer „Brüchigkeit“. Zeitbrüchigkeit ermöglicht Seiendes.

¹²Z VII XXI/3a: In „Vergegenwärtigung un Bild“ II: eine tiefere Interpretation des Kantischen Satzes, dass die transcendente Einbildungskraft „ein

Ingrediens der Wahrnehmung” sei: also nicht nur die transcendente Einbildungskraft als Protention und Retention, also mitgehörig zur Praesentation, sondern die transcendente Einbildungskraft als reine Zeitschwingung (leere Zeit) ist die Füllbarkeit der Wahrnehmung: also die Praesentation, auch als Urimpression, eben als Füllung und zwar als Urfüllung, ruht auf dem Grunde der Zeitschwingung.

¹³ZVII X/5a; ZVII IX 3a; ZVII IX/4a. Ср.также [2, S. 153].

¹⁴Z VI 26a: Wenn die Gegenwarterinnerung eine Vergegenwärtigung ist, so muss die ihr zugrunde liegende Entgegenwärtigung aufweisbar sein. Damit stoßen wir an die Problematik des Raumes. Gegenwarterinnerungen sind nur phänomenologisch aufklärbar aus einer Fundamentalanalyse des Raumes. Damit zeigt sich der “Raum” als die 4. Dimension der Zeit. M.a.W. die Analyse der „Zeitlichkeit” sofern sie Zeitlichkeit des Erlebnisstromes sein soll, transcendente Zeit, ist gar nicht ablösbar vom Moment des „Raumes”. Die ursprüngliche Zeitlichkeit als der Seinssinn des Transcendentales Subjektivität ist immer räumlich. Данная цитата приведена по статье Бружина [1, p. 381].

¹⁵ZVII XVII/29a: Statt der traditionellen 3 Zeithorizonte weise ich 5 auf: Gegenwart, Vergangenheit, Zukunft als Wirklichkeit mit dem Raum als 4. Horizont. Dann die „Möglichkeit” als 5. Horizont.

¹⁶Ср. R. Bernet. Real Time and Imaginary Time: On the Husserlian Conception of Temporal Individuation. In: Husserl on the Logic of Experience. Edited by Gary Banham. Palgrave Macmillan. 2005.

1. Bruzina R. The Revision of the Bernau Time-Consciousness Manuscripts: New Ideas.– Freiburg, 1930–1933. Alter № 2. 1994.
2. Fink E. Sein, Wahrheit, Welt. Vor-Fragen zum Problem des Phänomen-Begriffs.– Den Haag, 1958.
3. Fink E. Vergegenwärtigung und Bild. Beiträge zur Phänomenologie der Unwirklichkeit, in Studien zur Phänomenologie. 1930–1939.– Den Haag, Nijhoff 1966 (Phaenomenologica, 21).
4. Husserl E. Analysen zur passiven Synthesis // Husserliana XI.– The Hague, 1966.
5. Husserl E. Die Bernauer Manuskripte über das Zeitbewusstsein (1917/18), hrsg. von D.Lohmar, R.Bernet // Husserliana XXXIII, 2001.